

Василий ПЕСКОВ

*С радостью
Василий!
Юлиан*

ЗАПЕЧАТЛЕННАЯ ТАЙНА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Василий Песков родился 15 февраля 1924 года в селе Космодемьянское Московской области. Он окончил Московский университет, работал журналистом, редактором, писателем. Его произведения переведены на многие языки. Он является автором знаменитого романа «Звездный час».

КОМСОМЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 13. Запечатленная тайна**

«ИД Комсомольская правда»

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 13. Запечатленная тайна /
В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий
Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-889-1

В этом томе обозреватель «Комсомольской правды» Василий Михайлович Песков в авторской рубрике «Проселки» продолжает свой рассказ об удивительных людях, которые встречались на его журналистском пути. Это – мастера уже почти исчезнувших деревенских профессий – тележных дел мастера, бортники, кузнецы...

ББК 94

Содержание

Предисловие	6
1980	8
Птицы на проводах	8
Она идет...	13
Альпы	15
Карл, друг Петра...	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Василий Песков

Полное собрание сочинений.

Том 13. Запечатленные тайны

«Видеть землю, узнавать, как на ней живут люди, наблюдать растения, птиц и зверей, плыть по реке, по морю, продирается по лесу и подниматься в горы – это все очень большая радость и изрядная доля того, что называется счастьем...»

В. Песков

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

Предисловие

Предисловие к этому тому подсказал неожиданно сам Василий Михайлович Песков. Среди его заметок за 1982 год я нашел одну совершенно неожиданную. И думаю, лучше не придумать для вступления в очередной том.

В нем есть и наша журналистская «кухня» и песковский юмор. А главное, что, наверное, впервые журналист рассказал о самом главном человеке в своей жизни и в жизни газеты. О том, для кого, собственно, все мы и работаем. О вас, наши читатели. Ну ни убавить и ни прибавить!

«О нашем друге»

Позвал редактор вчера и сказал: «В. М., две страницы о читателе в специальную полосу».

Задача... Ну, первое, спасибо читателю, что читает, иначе зачем бы наши писанья. Второе, спасибо, что читает внимательно. Мой друг профессор Андрей Григорьевич Банников любит всегда говорить: «Один студент может быть глупым, аудитория в целом всегда умна. Всегда найдется человек, который твою ошибку, твою оплошность заметит». Это верно. Особенно если аудитория у тебя – десять миллионов. Любая оплошность вызывает письмо: «Что же ты, брат?..» И это, хочешь не хочешь, приручает к точности, аккуратности.

Читатель бывает и вѣдлив. Я помню, как ныне работающий в «Правде» Давид Новоплянский по параллельному с моим телефону терпеливо слушал старушку, давнишнюю нашу подписчицу: «У вас в четвертом столбце в двенадцатой строчке ошибка – полагается быть запятой, а тут точка...» Новоплянский, отыскав злополучную строчку: «У нас запятая. Точка у вас – это технический брак». Старушка сердито: «Я же в очках и вижу прекрасно – точка». «Ну хорошо, – сказал Новоплянский, – приезжайте, мы вам заменим газету...»

А недавно в отдел информации позвонил строгий молодой человек и, указав на ошибку (крохотную), голосом сплава вольфрама и молибдена спросил: как наказан корреспондент? «Корреспондент по приказу редактора сегодня утром уволен», – нашелся зав. информацией...

Но это все шутки, без которых серьезное дело обходиться не может. А газета – дело серьезное. И претензии наших читателей по большей части нешуточные. Ну эта хотя бы: «Как же может быть газета для молодежи обходиться без юмора?! Хотя бы маленький уголок, хотя бы в неделю раз». Это всего лишь одно из множества дельных и справедливых желаний, которое выполнять мы почему-то никак не можем. Смешного кругом немало, люди в редакции, слава богу, не мрачные, а вот поди же. И очень хочется в новом грядущем году шутить с читателем не только по телефону.

«Быть ближе к жизни», «быть позубастей и поострее», «поспевать за событиями», «писать ярко и просто» – это главная, но лишь малая часть пожеланий нашему брату в газете. И мы будем стараться.

Читатель... У него есть в газете свои любимцы. Я помню, в воронежской маленькой «молодежке» мы получили письмо, в котором благодарный читатель вполне искренне и серьезно писал: «Всех сотрудников обнимаю, а корреспондента А. Гамонюка я крепко целую». Целование, конечно, крайность. Но пишущий вовсе не безразличен к гласу читающих. По себе знаю: нет писем – тревожно, мешок писем скопился – беда! Как ответить на все? И, каюсь, не на все вовремя отвечаю. Грех этот вполне сознаю. Но, честное слово, нелегкое дело – ответить на полтысячи писем в месяц.

Между тем сам читатель заботлив и чуток. Не появляется месяц в газете приметный ему журналист – письмо: не случилось ли что? Здоров ли? Не нужна ли помощь какая? «Приезжайте к нам отдохнуть...»

Ну а что касается дела, то умный читатель оплошность легко прощает – с кем не бывает! Всего труднее читатель прощает нашему брату фальшь. Серьезная ошибка может вызвать с читательской стороны «телегу» – так газетчики называют бумагу на имя редактора или выше. Неприятное дело, но не смертельное. Хуже, если, почувствовав фальшь, читатель теряет к тебе интерес.

Но читатель может и очень трогательно награждать. С рязанской Мещеры, из городка Елатьмы, я вот уже многие годы осенью получаю смаковы – большие лепешки из смородины и малины, каким-то таинственным образом приготовленные на зиму в русской печи. Из Свердловска к дню рождения туристская братия непременно присылает какой-нибудь камень. Постоянство этих посылок вызывает тревогу за сохранность Уральских гор. Читатель из города Шуи подарил мне собрание вырезок из газеты – четыре тома! Все есть, начиная с моей первой заметки, опубликованной в «Комсомолке» двадцать шесть лет назад. А ленинградская женщина пишет, что одно размышление в газете спасло ей жизнь. Это уже очень большая для журналиста награда. Она заставляет подумать о читателе-друге. И я думал об этом множество раз. По очень серьезному поводу думал. Возникали соблазны пойти в другую газету. Шаг единственный и, пожалуй, даже необходимый. Но беспокоил вопрос: а мой читатель? Он без меня обойдется, конечно. А я без него?

Что же еще?.. Да! Читатель – твой верный помощник. Поправит, подскажет, посоветует, упрекнет. И сколько раз получал я письма: «Приезжайте. Эта тема – для вас». В этом году такой сигнал получен был от краеведа из Красноярска Николая Устиновича Журавлева. Вместе мы побывали в интереснейшем месте. Сейчас пишу об этой поездке, о случае исключительном в человеческой жизни. И в первых числах октября месяца, я надеюсь, мы встретимся на страницах газеты, мой дорогой друг-читатель.

*Василий Песков, обозреватель «Комсомольской правды».
19 сентября 1982 г.»*

Подготовил Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1980

Птицы на проводах Окно в природу

В прошлом году на Британских островах загнезвился орлан-белохвост. Вблизи этого единственного гнезда поставили караул, чтобы никто и ничто не потревожило редкую птицу. Так человек пытается сохранить крохи от некогда большого каравая дикой природы.

Теперь обратимся туда, где каравай этот, хотя и изрядно почат, но пока еще существует... В степных районах Заволжья, в Узбекистане, Туркмении и Казахстане орлы большой редкостью не являются, хотя некоторые виды их занесены в Красную книгу и мы обязаны всячески их охранять. В последние годы удалось побороть привычку стрелять в хищную птицу, как только она попадалась на глаза человеку с ружьем. Доказана полезность этих птиц, уяснена их особая роль в природе, поняли мы, и сколько велика радость видеть парящего в небе орла. Но вот выясняется: крупным птицам угрожает серьезно не только ружье.

Посмотрите на снимок. Этого орла-степняка (числится в Красной книге) не поразили ни пуля, ни дробь. Он погиб, когда присел с пойманным сусликом на столбе электролинии, идущей вдоль газопровода. (Как это бывает, я сам наблюдал в Белоруссии. Аист, присевший на столб межколхозной электролинии, коснулся при взлете крылом одного провода. Вспышка! И наверху осталось висеть мертвое тело птицы.)

Авторы книжек по занимательной физике любят задачу: почему птицы остаются невредимыми на проводах с напряжением в тысячи вольт? Объясним для тех, кто не знает. Птица касается лишь одного провода. Коснись она двух проводов или провода и опоры – исход будет, как у аиста или у этого вот орла.

Магистральные высоковольтные линии, к счастью, устроены так, что птицы, даже большие, не могут коснуться двух полюсов электричества. У этих линий птицы гибнут лишь от ударов о провода. Опасность представляют линии менее мощные, в частности, широко распространенные линии в десять тысяч вольт. Как устроена опора этой линии, видно на снимке. Хорошо видна и опасность, которой подвергает себя сидящая на перекладине птица. Стоит ей чуть расправить крыло – между проводом и опорой произойдет замыкание...

Много ли птиц погибает при таких обстоятельствах? Послушаем человека, который на другом снимке держит в руках орла. Это инженер Борис Иосифович Хмельницкий. По роду своей работы каждое лето и осень он проводит в степном Заволжье и Казахстане. В редакцию Борис Иосифович пришел озабоченный, выложил фотоснимки и записи наблюдений. И можно лишь пожалеть, что он не зашел ранее.

С 1970 года многочисленные трассы газопроводов стали оборудоваться особой защитой от химического разрушения труб в земле. Защита (нужная и важная!) нуждается в электричестве. Вдоль трасс газопроводов быстро построили линии на десять тысяч вольт. Эти линии стали буквально линиями смерти для птиц. «Мертвых орлов, голубей, канюков мы видим под опорами постоянно. С позапрошлого года я стал вести аккуратный учет, и цифры меня поразили... – рассказывает Борис Иосифович. – Минувшей осенью на контрольном стокилометровом участке трассы в Гурьевской области было обнаружено 311 канюков и орлов. Три птицы на километре!»

Признаться, я не сразу поверил в такой урон и позвонил орнитологам... Нет, ошибки в подсчетах не было. Именно столько птиц погибает на линиях. Объяснение очень простое. Это места исконного обитания крупных пернатых и места их сезонных пролетов с юга на север. С добычей или для того, чтобы высмотреть мышшь, суслика или песчанку, птица ищет какое-нибудь возвышение. И вот оно – лучше не надо! – столб с перекладиной...

Что делать? Ведь этих линий, как легко подсчитать, тысячи километров. И число их вместе с новыми газопроводами с каждым годом все возрастает. Точно такие же линии у нефтяников. Опоры той же конструкции соединяют высоковольтные магистрали с колхозами и совхозами. Кто возьмется сосчитать, сколько птиц погибает у нас ежегодно?!

Положение надо без промедления поправлять. Опора, спроектированная в свое время «Сельэнергопроектом», «надежная и простая», с точки зрения своего назначения, оказалась

совершенно негодной в экологическом смысле. Нужна другая конструкция! Государственный комитет СССР по стандартам, будем надеяться, без промедлений примет нужные меры, и впредь все ведомства будут пользоваться только безопасной для живой природы конструкцией.

Но это лишь половина забот. В это же время надо обезопасить линии уже существующие. Это дело ведомств, которые ими пользуются. (Главные из них – Министерство энергетики и электрификации, Министерство газовой и Министерство нефтяной промышленности.) Министерство энергетики и электрификации, мы думаем, окажется поворотливым, поскольку частые замыкания – это не только гибель птиц, это выключение электричества в населенных пунктах, больницах, на токах, в мастерских, это выключение холодильников, инкубаторов, зерноочистительных машин, доильных установок и телевизоров. Уже по этой только причине модернизацию линий в степных и лесостепных районах надо считать неотложной.

Но и о птицах следует помнить. «Закон об охране и использовании животного мира», который обсуждается и который развивает записанные в Конституции СССР важные положения об охране природы, имеет в виду ответственность граждан и ведомств за нанесение ущерба животному миру. В данном случае ущерб налицо. Ущерб этот, будем считать, непредвиденный. Но поскольку он обнаружился, надо спешить поправляться. Это прямо относится к министерствам газовой и нефтяной промышленности. Их защитные трассы от замыканий большого урона не терпят. Но природа от этих линий страдает, как видим, очень серьезно, ибо проходят они в районах обитания птиц и, больше того, этих птиц привлекают.

Как изменить и модернизировать конструкцию? Задача, мне кажется, не относится к числу головоломных. Но, поскольку все надо сделать с минимальной затратой средств и труда, проектировщикам придется войти в контакт с орнитологами. (Сообщаем их адрес: Главк охраны природы при Министерстве сельского хозяйства СССР. Москва, Орликов переулок, дом 1/11.) Проверка пробных конструкций с учетом поведения птиц совершенно необходима. Может быть, стоит создать маленький полевой испытательный полигон для конструкторов-энергетиков и биологов. Их рекомендации можно было бы получить уже в этом году.

Министерству газовой промышленности, нам кажется, целесообразно поддержать инициативу Бориса Иосифовича Хмельницкого и его товарищей по институту газа, которые этим летом на линии в Казахстане готовятся провести испытание пробных защитных средств. Помощь энтузиастам была бы первым конкретным шагом в решении этой не пустяковой проблемы.

* * *

А теперь, постояв у опоры линии высокого напряжения, давайте как следует оглядимся. Единственный ли это случай, когда непродуманная конструкция, экологически неграмотный проект, опрометчиво возведенное сооружение наносят природе ущерб? Далеко нет. Почти любое вторжение в природу человека, вооруженного нынешней техникой, благом для нее не является. И хотя вторжения эти, успокаивая себя, мы частенько сопровождаем словами «приумножая богатства природы...», правда состоит в том, что природа от нашей технической поступи несет постоянный урон. Остановиться? Невозможно, законы развития человека диктуют: движение вперед неизбежно, необходимо. Выход? Двигаться осторожно и осмотрительно. Не «покорять природу», а добиваться с нею согласия и всячески избегать ошибок, исправлять которые, как видим, накладно, обременительно, а то и невозможно вовсе.

Что надлежало бы предпринять во избежание этих ошибок? Мне кажется, пришло время любой проект, конструкцию любой машины и механизма, любой технический шаг рассматривать не только с точки зрения хозяйственной выгоды, надежности и безопасности для человека, но обязательно еще и грамотно оценить (исследовать, подвергнуть испытаниям и проверке), сколь значительным будет ущерб от проекта или машины природе. Это позволит либо снизить

этот ущерб, либо вовсе его избежать, либо по крайней мере знать, на что идем. В связи с этим предлагается ввести в обиход понятие «экологическая совместимость» (или несовместимость). На конкретных примерах рассмотрим, что это значит.

В злосчастной конструкции опоры электролинии экологическая несовместимость налицо. Можно было ее избежать? Несомненно, если бы конструкторы думали не только о простоте и надежности, но и о том, что на нее будут садиться птицы. Смягчение несовместимости... Очистные сооружения, без которых не проектируются сейчас промышленные предприятия, – достаточно яркий пример. Примером же, когда с немалым и явным ущербом природе приходится мириться, могут служить плотины электростанций. Еще до строительства первых плотин их экологическая несовместимость со сложившейся жизнью реки многим была ясна. И действительно, драгоценные осетры не захотели пользоваться сконструированными для них подъемниками, из-за резкого перепада воды за плотиной погибает икра многих рыб, нерестящихся в водохранилищах. Итог: есть электричество, нет осетров, таранки и судаков. Этот нелегкий выбор продиктован жесткой нуждой в энергии для большого хозяйства страны. Но очень опасно, если принцип «или – или» всегда будет действовать с принесением в жертву природы. Тогда человеку грозит перспектива остаться в железно-электрическом мире, без рыбы, без чистой воды, без птиц и зверей. Закон об охране и использовании животного мира призван разумно регулировать эту проблему, и, наверное, стоит внести в него в той или иной форме понятие об экологической совместимости – проектируемых машин и механизмов, конструкций, технологических процессов и промышленных предприятий. Будет правильным, если закон предусмотрит также создание в стране экологической службы. На некоторых предприятиях она уже появилась (жизнь заставляет!), но важно, чтобы любой проект, любая конструкция, особенно для серийного производства, были бы рассмотрены перед выходом в жизнь глазами экологов.

Удар током убил красавца, севшего на провода...

Но можно ли предусмотреть все мыслимые последствия соприкосновения техники с живой природой? Все нельзя, но многое можно. Прежде чем строить, например, аэродром, сейчас тщательно изучают, не будет ли он расположен на пути миграции птиц. А вот газопровод возле Норильска в тундре построили без учета миграций оленей. Животные стали сбиваться перед трубой в огромные группы, и ничто не могло их заставить свернуть с векового пути. Наконец догадались поднять в этом месте трубу повыше, и олени получили необходимые им «ворота». Еще пример. Вряд ли надо много воображения, чтобы понять: мощные насосы вместе с водой будут качать и рыбных мальков. Однако долгое время их выпускали без оградительных сеток. Водометное судно «Заря» вызывает законные нарекания за сильный размыв берегов и убой рыбы. Правомерно поставить вопрос: везде ли нужно нам это судно? И не разумно ли дилемму «скорость на воде – здоровая жизнь реки» решить сегодня в пользу реки. Небольшие реки стонут сейчас также и от моторных лодок. Судя по письмам, на многих реках каждое лето происходят баталии между теми, кто смотрит на воду как на шоссе, и теми, кто ищет у реки тишины. Между тем промышленность наша, как сказал мне один любитель больших скоростей, «во имя технического прогресса» выпускает все больше моторов возрастающей мощности. В нашем плановом хозяйстве разве нельзя разрешить этот вопрос без ущерба для «технического прогресса» в пользу природы?

Примеры такого рода должны повесить ответственность конструкторов, проектировщиков, плановиков. Но все заранее и в самом деле невозможно предусмотреть. Поэтому полезно, мне кажется, нам, читателям «Комсомолки», создать некое общественное «бюро рекламаций природы». По примеру Бориса Иосифовича Хмельницкого внимательным глазом присмотримся к технике и выявим все, что по непродуманности конструкции или иной причине приносит природе нетерпимый ущерб. Наша с вами инспекция будет хорошим вкладом в утверждение закона об охране животного мира. И уже действием по закону. Ждем писем.

Фото из архива В. Пескова. 6 марта 1980 г.

Она идет... Окно в природу

В Женеве уже много веков на особой дощечке, хранящейся в ратуше, отмечают приход весны. Делается это покоряющее просто: служащий ратуши открывает окно и глядит на растущие рядом каштаны. Появились листочки – на доске помечают: пришла весна. Конечно, в ратуше есть современные календари, барометры и хронометры, но есть и поэтичная дань старине – дощечка.

На Аляске приход весны определяют иначе. В лед на Юконе забивают колышки и прочными нитями соединяют с часами на берегу. В этом краю весна так долгожданна и так желанна, что вся Аляска включается в азартное состязание – возможно точнее определить час прихода весны. Как на конных бегах, делают ставки. Крупные выигрыши ожидают тех, кто точнее других угадает момент, когда тронется лед на Юконе.

В Антарктиде весну приносят пингвины адели. Прогрелись торчащие изо льда камни, где можно (из камней же!) построить гнездо, и вот они появились с севера, нелетающие птицы. Бывает это в ноябре месяце. (В Южном полушарии все «кверху ногами».)

В широтах средних приход весны связан с прилетом птиц. Для одних весна – появление грачей, для других – жаворонков. Потом – скворцы, журавли, аисты, соловьи, кукушки – это все ранние или поздние гонцы весны.

Однако и те, кто коротал с нами зиму, тоже оповещают: весна идет и уже близко. На припеке среди дня орут петухи. Сходят с ума воробьи. Синица уже не просителем тенькает у окошка. Поет. Да так пронзительно звонко, что хочется замереть и слушать, слушать. В прилесных поселках ямщиком свистит поползень. В лесу в затишье бормочет сойка. И со дня на день следует ждать песню безголосого дятла. Отыщет дятел сухой упругий сучок, и уже не «тук-тук» в поисках червячка, а звонкая барабанная дробь влюбленного сердца пронесется над лесом.

Или последим за вороной. Казалось бы, серая проза. Ан нет. Эта птица одной из первых чувствует приближение весны. Есть у меня в подмосковном лесу местечко – на вырубке, обойденные топором, растут, почти что обнявшись, две осинки и две сосны. Лыжня проходит как раз мимо них. И каждый год в марте вижу на одном и том же суку ворону. Она не каркает, она поет! Распуская хвост, кланяясь лисьим следам на ослепительно белом снегу, забыв о вороньих хитростях и делах, птица вещает о чем-то сильно ее волнующем. Лыжи у меня еще натерты мазью «минус 2 – минус 7», но если ворона заняла свое место между двух сосен и распускает под песню хвост, значит, скоро лыжам на отдых.

В этом году приход весны отмечен еще и редкой небесной иллюминацией. В погожий вечер на западе (обратите внимание!) яркой лампочкой сияет исключительной величина звезда. Это Венера. Обернетесь назад, на востоке – тоже две очень заметные звезды. Нижняя красноватая – Марс, выше белым светом сияет Юпитер. На востоке виден также Сатурн...

Вчера я позвонил другу в Женеву: «А как там с листьями на каштанах?» Отвечает: «Трудно поверить – снег! Метель настоящая. А было уже двадцать тепла. И в ратуше уже не раз открывали, наверно, окошко. Это бывает в Женеве...»

Это везде бывает. Но неизбежно приходит день, когда зеленеют каштаны, тополя и березы.

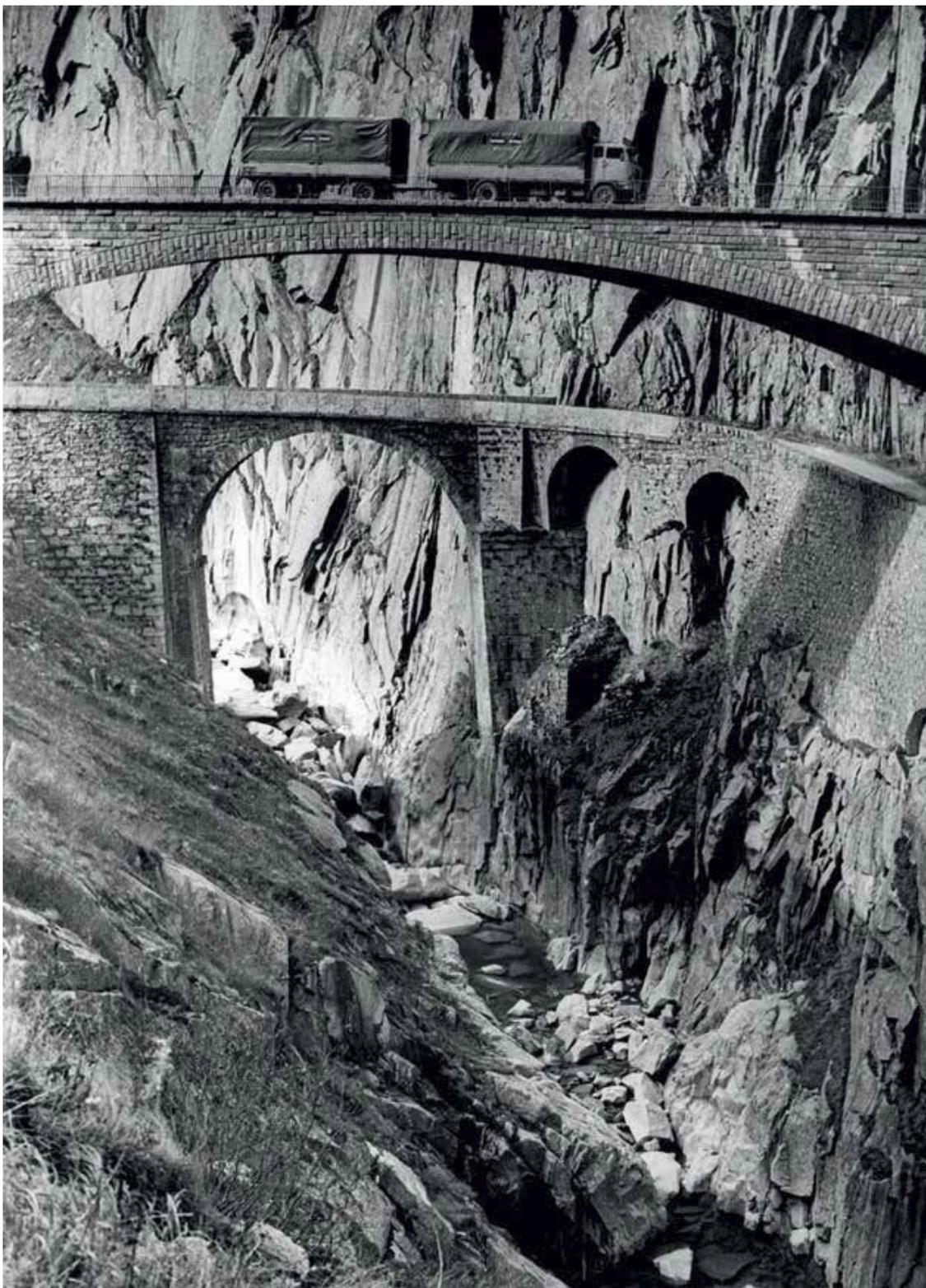
Ах, как звонко – в открытую форточку слышно – поет синица!

Фото автора. 19 марта 1980 г.

Альпы

Рассвет мы встречали на шоссе за Женевой. Как на фотобумаге в проявляющей жидкости, из темноты неясно и робко проступали деревья, дома, колокольни. А когда совсем рассвело и ветерок сдвинул в сторону редкие облака, мы увидели горы – подсиненная темень лесов на склонах, сиреневый камень выше лесов и белые флаги снега. И дорога потянула наши зеленые «Жигули» выше и выше – мимо озер, водопадов, мимо маленьких деревушек, пастушьих хижин и туристских приютов, через тоннели, мосты, эстакады и самую середину Альп.

Большая половина Швейцарии – горы. Когда летишь над страной, кажется, что самолету негде тут сесть. И в самом деле возникла недавно нужда расширить Женевский аэропорт – пришлось просить Францию прирезать полоску ровной земли, а немаленький город Базель не имеет вовсе равнинного места для самолетов. Аэродром построен во Франции и пассажиров возят через границу автобусами.

Чертов мост. Сегодня тут действуют два моста.

Горы – это и богатство, и известная бедность страны. Угля, металлов и минералов Альпы для Швейцарии не припасли. Хозяйству сельскому горы дарят лишь знаменитые пастбища. Но бегущая с кручей вода – это огромный запас энергии, и швейцарцы ее почти полностью обратили себе на службу. Проезжая горами, постоянно видишь на кручах опоры электролиний – страна не только полностью обеспечивает себя электричеством, но и производит его на продажу...

Второе богатство Швейцарских Альп – их красота. Сотни тысяч людей со всего света едут сюда полюбоваться чудом природы. Это паломничество уже давно приносит большие доходы. «Швейцария подобна красивой девушке, у ног которой постоянно поклонники», – написано в одной книжке. К этому можно добавить: много разбогатевших людей хотели бы «обвенчаться» с этой красавицей – переехать сюда на жительство. Строгий закон ограждает, однако, страну от желающих тут поселиться. И лишь очень тугой кошелек или громкое имя позволяют осесть в альпийской республике.

У нас на пути, у Женевского озера, был городок Вевей, в котором долгое время жил бежавший от гонений Америки знаменитый актер и кинорежиссер. Он жил затворником в увитом плющом небольшом доме. И похоронен тут же, рядом, на маленьком кладбище, со всех сторон зажатом домами. Всем известно похищение этого человека из-под могильной плиты. Мы проезжали, когда он вновь обрел тут покой. Гроб из-за боязни повторения кошунственных грабежей залили в земле цементом. А сверху – цветы и розовая плита мрамора с надписью «Чарли Чаплин».

Мы постояли у этой могилы, наблюдая, как небольшая птичка искала в траве козявок. Недавние страсти успели утихнуть. И мало кто знает, проезжая вдоль знаменитого озера, что рядом почти с дорогой покоится прах человека, заставлявшего мир грустить и смеяться.

А горы... Они равнодушно встретили появление тут знаменитого лицедея и так же равнодушно его проводили. Человеческий муравейник у их подножья суетится, густея, уже тысячи лет, а горы... кто заметил в них какие-нибудь перемены? Так же, как во времена кельтов и римских легионеров, сияет снегом Монблан, так же дразнит альпинистов дикой своей красотой каменный зуб Маттерхорна.

По хозяйским делам человек подымался всего лишь до горных лугов (во всех горах мира их называют альпийскими). Любопытство вело его выше, в каменный пояс гор. Желанье же себя испытать побуждало людей стремиться к вершинам. Спорт смельчаков – альпинизм называется так потому, что зарождался тут, в Альпах. Сейчас на земле почти не осталось горных вершин, человеком не покоренных. И всюду покоряющий горы называет себя альпинистом, и палка, на которую он опирается, называется альпенштоком (альпийская палка).

Однако вершин во всем достигают немногие. И тут, в Альпах, обычная жизнь кипит у подножья, подымаясь в крайнем случае до перевалов, чтобы снова скатиться вниз по другую сторону гор. Когда-то и этот путь был только для смельчаков. Пешим ходом, с поклажей на спокойных бесстрастных мулах шли из стран Средиземного моря в Северную Европу торговцы, воины, богомольцы. Путь их лежал через Швейцарские Альпы, через их знаменитые перевалы: Сен-Готардт, Сен-Бернар, Симплонский перевал. На перевалах путников поджидала суровая непогода и, случалось, грабители. Но тут же издавна существовали приюты и спасательные службы с собаками, способными отыскать человека в снежных завалах.

В войнах и стычках на перекрестке Европы альпийские перевалы всегда были стратегически важными точками. Через Альпы, известно, шел на слонах Ганнибал (это было явление древнего века), а без малого двести лет назад в суровое время года через Альпы провел русских солдат Суворов.

Цель нашего путешествия на «Жигулях» – Сен-Готардтский перевал и Чертов мост в Альпах, известный нам со школьных учебников.

* * *

Там, где раньше были лишь тропы для пешеходов и мулов, сейчас в горы ведет множество разных дорог. Раза три мы видели: вверх тянул с десятков вагонов электровоз. Каким же образом – вверх? И как этот поезд скатится вниз? Очень просто – у железной дороги три рельса, средний – зубчатый... Много дорог канатных. С подвесными вагонами и открытыми

креслами для туристов, с крюками, на которых высоко над долиной к бетонной дороге проплывает бревно с лесосеки, контейнер с сыром и маслом с горного пастбища, спеленатый стог сена, вязанка дров – канатных дорог в Швейцарии тысячи. Их недешево строить, как, впрочем, любую дорогу в горах, но удобство их тут проверено, и они окупаются очень быстро.

И, конечно, горы стали покорны автомобилю. Пути из бетона пересекают Альпы во всех направлениях. Грузовики, тягачи, автобусы с пассажирами и легковые автомобили с изрядной скоростью мчатся в гору и под гору. Вполне понятно, требования к дороге тут особые, и дорога этим требованиям вполне соответствует. Местами от камнепадов ее берегут массивные козырьки из бетона, местами дорога ныряет в тоннель, иногда она врезана в гору, но бывает, что лепится к склону на прочных сваях. Но вверх и вверх!

Высоту чувствуешь и по смене лесных деревьев. Сначала ехали под покровом дуба и буков, потом пошли сосны, кедры и ели с вкраплением рябин и берез. Вот остались только березы, гнутые ветром. Трава. Огромные камни в траве. И вот уже только камни. А выше глянешь – сверкает снег.

С поворота дороги видим знакомую деревеньку в долине. Видно петли сбегавшей к ней дороги. И очень странно видеть с большой высоты идущий на посадку маленький самолет. Он выглядит голубком, невесть откуда занесенным ветром в долину.

Перевал! Название – Сустан. Высота – 2224 метра. Ветрено. Холодно. Голо. На дороге – большие ворота. В случае непогоды их закрывают. Но сейчас солнце, мягкий – можно бабу лепить – снежок. Заливаем бензин у колонки. Минуем ворота. И вот машина идет уже под уклон. Но недолго. Дорога бежит среди громадных обрывов, то опираясь на сваи, то ныряет в тоннели. Вниз глянешь – гулкая бездна с белыми струйками горных потоков. Справа и слева – обрывы скал. Где-то здесь, судя по карте, и должен быть исторический мост... Из тоннеля на него прямо и попадаем.

Да, это он – на скале у моста изображение черта с копытцами и рогами и почему-то с большими вилами. Ставим машину в сторонку и оглядываемся. Вот тут все и было...

* * *

Переход русской армии через Альпы состоялся осенью 1799 года. Россия в то время в союзе с Австрией воевала против наполеоновской Франции. В ходе войны возникла необходимость передвинуть двадцатитысячную армию Суворова в Швейцарию из Италии на соединение с другой частью русской армии и с армией австрийского генерала Готце. Путь лежал через Альпы.

«В военной истории человечества мало можно найти столь драматических эпизодов... Все соединилось здесь против русской армии: ледяная стужа; непроходимые горы и стерегущие бездонные пропасти, энергичный, гораздо более многочисленный враг, отсутствие припасов, одежды и патронов; незнание местности и непривычка к горным условиям; наконец, изменническая политика Австрии... И, несмотря на это, отряд Суворова не растаял, не погиб, а вышел из окружения; полководец перенес все тяготы наравне со своими солдатами, а солдаты проявили такую исполинскую мощь духа, такую стойкость, что их героический марш в тесном кольце врагов поразил всю Европу». Это строки из книги «А. В. Суворов».

Памятник Суворову и его чудо-богатырям.

Нельзя без волнения читать в этой книге подробности перехода. Вспоминая знаменитое полотно Сурикова, понимаешь: в нем нет преувеличения. Солдаты, выросшие на равнинах, без всякого снаряжения в суровое время года прошли там, где ныне проходят лишь альпинисты.

Противник Суворова в Альпах – наполеоновский маршал Массена признавался, что отдал бы все свои победы за один швейцарский переход Суворова.

Чертов мост... В альпийском походе Суворова, сплошь драматичном, Чертов мост был всего лишь страницей, но едва ли не самой впечатляющей и выразительной. О штурме моста через пропасть, как видно, легче всего было рассказывать вернувшимся из похода. И в хрестоматиях по истории этот мост вырос едва ли не до главного символа всей эпопеи. В детстве мы, еще толком не ведая, где находятся Альпы, этот мост уже знаем. Помогает делу и само название места.

И вот он, мост... Подступы к нему стиснуты почти отвесными скалами – узкий коридор в камне, по которому навстречу русским летела стена картечи... Не осталось ли следа на камне? Нет. Ущелье расширено. По нему пролегает сейчас Сен-Готардтский автомобильный путь.

* * *

Мост через пропасть несколько раз перестраивался, и сейчас тут действуют один над другим два моста. От первоначальной арки осталось только символическое «плечо камней», помнящих все, что тут было 25 сентября 1799 года.

«Самая смелая фантазия не могла придумать более недоступной позиции...» – пишет историк. Миновав узкий коридор в скалах, солдаты Суворова увидели перед собой пропасть с шумевшей на дне рекой и каменный арочный мост через пропасть. На обрывах по ту сторону – цепи французских стрелков и пушки. И нет иной дороги, чем эта, суженная на мосту до двух метров... Для нынешних кинематографистов, решишь они воссоздать героический переход в Альпах на пленке, эпизод у моста был бы в высшей степени зрелищным. Лобовая атака моста, обход дороги по неприступным поныне скалам, переправа через бушующий горный поток под огнем противника, абсолютно уверенного в неприступности этого места, – через все это прошли суворовские солдаты. Взорванный мост они в конце концов перебежали по бревнам, связанным офицерскими кушаками. Конечно, многие под мостом, в пропасти и остались... Сохранилась ли тут о них память? Да!

Вобрав головы в плечи от ледящего ветра, идем тропинкой вдоль скал. Голова кружится от взгляда вниз, и хочется ухватиться рукой за тощий кустарник. Именно тут, под пулями, солдаты катились вниз, чтобы, одолев бешеный горный поток, карабкаться потом вверх. Молчаливые серые камни. Чтобы увидеть небо, надо подымать голову. Вряд ли сколько-нибудь эти скалы переменились с той осени. Река Рейса, наверное, лишь на какой-нибудь сантиметр углубила с тех пор свое ложе. Сейчас воды в ней немного. В тихих местах она отражает синеву неба.

Памятник, сооруженный тут руками людей, возможно, самый долговечный из всех монументов. Он сохранится до тех пор, пока будут стоять тут скалы. На обрыве камней высечен двенадцатиметровый крест с надписью: «Доблестным сподвижникам генералиссимуса, фельдмаршала графа Суворова рымникского, князя италийского, погибшим при переходе через Альпы в 1799 году». На скамейке у монумента лежит веточка ягод рябины. Холодно и пустынно. Не останавливаясь, бегут по мосту и ныряют в ущелье машины.

* * *

Но вот на площадке рядом с нашими «Жигулями» появляется бежевый «Ситроен». Чета французов с двумя ребятами, надевая на ходу капюшоны, боком к ветру, бегут на площадку. С любопытством разглядывают незнакомые буквы на монументе. Кто был Суворов, они не знают. Не знают они и генерала Лекурба, стоявшего с войском вон там, по другую сторону пропасти. «Ехали. Увидели надпись «Памятник» и свернули взглянуть». Снимаемся на про-

щанье. И, сгибаясь от ветра, уходим с площадки, французы к своему «Ситроену» – согреться кофе, а мы стучимся в маленький домик-таверну, сооруженную для тех, кто пожелает тут задержаться.

Туристский сезон миновал. И хозяйка таверны могла позволить себе поспать среди дня. Мы разбудили ее колокольчиком у двери. Не слишком приветливый голос сделался мягким, когда старушка узнала, откуда гости. Она сразу же начала нам рассказывать, какой замечательный был человек граф Суворов. Поскольку энергичная речь была на языке итальянском, то понимали мы очень немного.

Все-таки и хозяйка, и гости остались довольны друг другом. Рассказ дополняли развешанные по стенам многочисленные портреты фельдмаршала, старинные и извлеченные из московского «Огонька». Во многих вариантах на гравюрах был представлен штурм моста и ущелья. Те же картины были и на открытках, которые летом продаются тут вместе с пивом, фруктовой водой и сосисками. Но сейчас в ресторане были только открытки. Мы купили их много, чтобы покрыть причиненное беспокойство. Хозяйка это вполне оценила и, погремев у дверей железом, повела нас в комнату, увешанную оружием времен Александра Васильевича. Палаши, пики, мушкеты, палицы – все подобрано было когда-то в этом ущелье и хранилось у крестьян в близлежащих горных деревнях. Собрал реликвии под свою крышу отец Рикки Лоретан (так зовут хозяйку таверны). Он построил домик в ущелье в надежде, что история будет давать ему кусок хлеба. И не ошибся. Домик стоит уже семьдесят восемь лет. Хозяин умер. Но его одинокая дочь продолжает тут жить.

– Граф Суворов был замечательный человек, – опять сказала старушка, когда мы прощались, и придержала собаку, гремевшую цепью около дома.

Из тоннеля, где краской был нарисован черт с вилами, на мост выехал грузовик с двумя философски спокойными мулами в кузове. Когда-то здешней дорогой только на этих невозмутимых животных и можно было проехать. Теперь – машины, машины, одна за другой.

– Спешите, – сказала старушка, подняв руку, – что-то погода мне начинает не нравиться...

* * *

В горы, на перевалы тут едут не иначе, как узнав сводку погоды на два дня вперед. Мы так и сделали. Но погода повсюду не ведет себя в соответствии с предсказаниями. На Сен-Готардском перевале мы попали в холодный плотный туман. Дорога тут километров двенадцать идет тоннелем и, когда из тоннеля мы наконец выбрались, то не сразу это заметили. Ехали в толще тяжелой тучи, осевшей тут, на макушке у Альп. Дорога сделалась скользкой и к тому же она петляла по краю пропасти и вела нас не вниз, а кверху, еще к одному перевалу...

Веселые разговоры в машине смолкли. Мы глядели через стекло в три пары глаз и каждый думал: а вдруг перевал закрыт?

Так оно и случилось. Минут через тридцать наши зеленые «Жигули» уперлись в шлагбаум, на котором висела табличка: «Перевал Ньюфененпасс закрыт».

В отличие от Суворова у нас был путь к отступлению – вернуться прежней дорогой. Но не закрыт ли теперь перевал Сен-Готард, который мы только что миновали? Сквозь пелену густо пошедшего снега справа светился маленький огонек. Оказалось, у печки в хижине греются трое дорожных рабочих и «смотритель» здешнего перевала. Он подтвердил: «Да, только что передали: Сен-Готард тоже закрыт».

Вот она, альпийская мышеловка. Снег превращает нашу машину в белую пухлую куклу. Еле виднеется на шлагбауме красный фонарь. Вся жизнь неведомо где внизу. А мы – на вершине, запертые с двух сторон. У одного из сидящих в машине к тому же в кармане билет на самолет, улетающий утром в Москву.

Смотритель, вполне понимающий положение, приоткрыл дверцу:

– Я бы на вашем месте рискнул. Шлагбаум не подымаю. И прошу помнить: я ничего не советовал. Шлагбаум можно объехать вот тут...

Это все, что мог для нас сделать пунктуальный, но сердобольный швейцарец.

Держим совет. За рулем сидящий «фельдмаршал», выслушав всех, принимает решение:

– Ну, зеленые «Жигули», теперь вся надежда на вас...

Мы не ехали, мы двигались. Ощупью. Со скоростью пешехода. Рустэм сидел, вцепившись в баранку, а мы – в верхушки сидений. Даже степной дорогой при такой непогоде ехать было бы безрассудством. А тут слева – пропасть, от которой нас отделяют то низкие столбики, то барьерчик из камня, а справа – скалы, к которым мы жмемся, как дети к матери в минуту крайней опасности.

Ни звука, ни огонька. Видимость – пять шагов. В одном месте с такой же скоростью, как и наша, призрачным катафалком навстречу проплыл «Мерседес». И это чуть ободрило: все-таки не одни...

Целую вечность мы плыли как бы с повязками на глазах. Оказалось: всего лишь час. Снег с туманом стали редеть, и дорога обрела уклон вниз. И вот она радость – вдруг сразу все кончилось! Нет ни тумана, ни пелены снега. Луна огромная и какая-то свежая, как после купанья, висит над Швейцарией. Темнеют слева черные гребни скал и рваные тучи. Под ногами снег, прихваченный легким морозом. Рустэм оглядел, ощупал наш зеленый корабль и засвистел марш в честь завода на Волге. И все мы вдруг жадно набросились на пакет с пирожками и бутербродами.

Внизу приветливо мигали теплые огоньки деревушек, где, как известно, делают славный сыр, и городков, где производят часы столь же славные. До ночлега было километров под триста. Значит, приедем не ранее двух часов ночи. Но какая беда! Дорога сухая, чистая и под гору, под гору, к Женевскому озеру...

Фото из архива В. Пескова. Ж. Ризванова, В. Песков. Женева – Москва. 26 апреля 1980 г.

Карл, друг Петра...

Швейцарский городок Андерматт стоит в Альпах на перекрестке путей, ведущих в Италию, Австрию, Францию, причем на ключевом перекрестке – у Сен-Готардского перевала. За горстку домов, прилепившихся к скалам, было в истории много жестоких боев и стычек. Однако трудно представить себе сейчас что-либо более мирное и спокойное. На узких мощеных улицах у домов стоят горшки с геранью, у кофейни синее аквариум с резвыми рыбками, дрозды обедают на рябинах. Туристский сезон окончен, и городок погрузился в альпийский сон. Ищем, у кого бы спросить нужный нам дом № 253, но на улице – ни единого человека. Наконец-то старушка с собакой.

– А, дом Суворова... Да вот он, напротив...

Заурядная, обшита чешуйчатым тесом постройка с островерхой крышей и карманами всяких пристроек сразу же в наших глазах обретает значительность. Ради этого дома мы и ехали в Андерматт.

24 сентября 1799 года после штурма Сен-Готардского перевала войско Суворова заночевало в маленьком городке. Можно себе представить, что было тут на площади перед домом – дым полевых кухонь, говор солдат, вестовые на лошадях...

Фельдмаршал, по описаниям, занимал комнаты третьего этажа. Сейчас дом жилой. Двойное окно с голубыми ставнями настежь открыто. В окне на вешалке, как видно, для упреждения порчи от моли, висят синего цвета штаны с красным кантом – комнату занимает семья железнодорожного машиниста.

Переговариваясь и делая снимки, мы обошли дом и приготовились уже распрощаться с этой помеченной медной доской постройкой, благополучно одолевшей двухсотлетнюю толщу лет, когда увидели перед домом еще одного человека. Реликвия суворовского похода его, как видно, не занимала. Задержали внимание трое людей-иностранцев. Когда мы вопросительно-вежливо ему кивнули, человек, улыбаясь, ответил по-русски: «Здравствуйте...»

«Дом Суворова».

Встречному было под семьдесят – непокрытая голова была сплошь белой. Однако слово **старик** к нему явно не подходило. Спортивная синяя куртка, гольфы, ботинки для хождения по горам, вокруг шеи повязан бордовый свитер. Предупреждая вопросы, он сам спросил:

– Знаете, где я учился русскому языку?.. Тут, в Швейцарии, у русского пленного, бежавшего из Германии.

Понимая, что разбудил любопытство, человек указал на открытые двери кофейни.

– Зайдемте. Я очень взволнован и по-русски говорю плохо. Но это будет вам интересно...

За столом, опуская в кипятилок на нитке пакетики с чаем, мы познакомились ближе.

Встречного звали Карл, Карл Келлер. Рано утром он приехал в эти места электричкой из городка Арау. Семь часов был в горах. В Андерматт спустился перекусить. Это обычное для него воскресенье. Он одинокий пенсионер. Хождение по горам – главная радость...

Мы тоже сказали, как и что привело нас в маленький городок.

– Меня охватило волнение, когда услышал ваш разговор. Я не мистик. И все-таки удивительно – именно сегодня там, в горах, я вспомнил Петра. Именно сегодня я много думал о нем...

В кофейне, кроме нас, никого не было. Девушка-официантка и повар в большом колпаке. Прислонившись к стойке, вместе с нами слушали человека, взволнованного воспоминанием.

* * *

В 1942 году Карл Келлер преподавал в Арау французский и итальянский язык. Брат его был шефом полиции. От брата он и узнал, что среди русских, бежавших из плена и живших в Швейцарии в лагере-интернате, есть парень, с которым ему интересно будет познакомиться.

«Мы познакомились и сразу почувствовали друг к другу симпатию...» Русского звали Петр. Фамилия его была Билан. Он был до крайности изможден. Ускользнув от фашистской охраны, пленный добрался до Рейна и ночью его переплыл. На швейцарском берегу его подобрали едва живого.

«Встречались мы часто. О многом беседовали. И через какое-то время я посчитал долгом вызволить Петра из барака и поселить на ферме...» Тут русский за хлеб насущный работал на огороде и убирал кукурузу. Но тут он был свободен, мог ходить по окрестным горам. Со своим другом Карлом он смог приехать даже сюда вот, на Сен-Готардский перевал. «Мы стояли так же, как с вами, у дома Суворова. А в этой кофейне, вот тут же в углу, пообедали...»

Карл.

«Петр был художником. Он рассказывал, что учился в Одессе. Но я видел: художником он рожден...» Швейцарец купил русскому другу краски, а лагерный парикмахер снабжал его рамами и холстом. Картины Петр парикмахеру и отдавал, за что старик бесплатно художника стриг и давал немного денег.

«На картинах Петра были горы, луга, домики с тропами по холмам – наша страна, вы видели, живописна. Но часто у Петра повторялся один и тот же мотив: желтоватого цвета равнина, пирамидальные тополя и голубая полоска моря. Его родиной был Мелитополь. Он говорил: «Карл, ты в наших равнинных местах умер бы от тоски. А я вот тоскую по этой равнине. Что там сейчас?..» Мы много говорили о жизни, я поражался глубине его суждений, его пониманию ценностей жизни. Он подсмеивался надо мной: «Вы, жители гор, мыслите по вертикали, а я – равнинный человек – мыслю горизонтально».

С увлечением учили языки. Карл учился русскому, Петр предпочел французский, хотя в этих пограничных местах у Рейна в ходу был немецкий.

«И все свободное время «равнинный медведь» (так я шутя называл своего коренастого друга) отдавал живописи. Я чувствовал: это не баловство, и покупавший картины старичок парикмахер не ведал цены того, что шло ему в руки».

Карл уговорил Петра послать картины на выставку. Результат: в Берне его картина (пейзаж) получила вторую премию, а в Женеве портрет молодой девушки – первую.

«Я часто видел это молодое лицо на картинах Петра и однажды спросил: кто это? Он сказал, что это девушка с соседней фермы, и признавался, что полюбил ее».

Петру в то время исполнилось двадцать. Карл был на девять лет старше и имел право советовать. Он сказал: «Петр, она совсем ведь дитя. И ты не должен забывать о своем положении. Это может стать бедой для обоих...»

«При следующей встрече Петр меня попросил: «Ты прав. Я подумал еще и о том, что там, – Петр кивнул на висевший в комнате равнинный пейзаж, – там ведь сейчас умирают... Помоги мне поселиться снова в бараке. Буду жить вместе со всеми». Я пытался ему возражать, но он сказал: «Нет, так будет правильно».

«В 1944 году вместе с другими перемещенными Петра переправили во Францию. Из Гренобля я получил открытку: «Карл, прощай! Я всегда буду помнить о нашей дружбе...»

Такой рассказ мы услышали в кофейне городка Андерматт. Рассказчик был очень взволнован. Его почему-то особенно поразило обстоятельство, что «вот сегодня думал о нем – и эта встреча...».

Допивая остывший чай, наш собеседник сказал: «На седьмом десятке судишь о жизни и обо всем, что послала тебе судьба, очень трезво. Признаюсь: Петр Билан – один из самых интересных и ярких людей, каких я встречал. И смею сказать: лучшего друга у меня не было».

Мы тоже были очень взволнованы. Побежали к автомобилю. Там в числе сувениров, привезенных в Швейцарию из Москвы, лежал альбом «Третьяковская галерея».

Излишне рассказывать, с каким чувством принял Карл Келлер этот подарок. Он листал книгу, подымая время от времени на нас глаза: «Такая встреча... Такой подарок... И сегодня я думал о нем. Бог, наверное, все-таки есть».

Мы садились в машину, а седой человек говорил: «Вот тут, как раз вот тут, перед домом Суворова, мы стояли. Это было тридцать семь лет назад... Счастливого пути!»

* * *

Тридцать семь лет назад из фашистского плена в Швейцарию через Рейн бежало много людей разных национальностей. По рассказу Карла, Рейн большинству из них стал могилой – люди были до крайности истощены. Но тем, кто осилил реку, нейтральная Швейцария не отказала в убежище.

В 1943 году, когда пал Муссолини, из лагерей в Италии вырвались сотни военнопленных. Они устремились тоже в Швейцарию. Вот что об этом написано. «Русские, англичане, французы. Они шли, помогая друг другу. Осенью 43-го года горные перевалы были особенно опасны. Изможденные люди, без всякого снаряжения и проводников, обходя фашистские пат-

рули на дорогах, шли местами, доступными лишь альпинистам. Многие в этих горах навсегда и остались. Но примерно три тысячи человек достигли Швейцарии...»

Война разметала по горам и равнинам Европы миллионы людей. Иные вернулись с войны. Иные погибли вдали от дома. И пропавшие без вести... Без малого сорок лет с той поры... И все же нет-нет да и мелькнет человеческий след. Вот и Билан, уроженец Приазовья, учившийся рисованию в Одессе, воевавший, раненный в руку, бежавший из плена, оставивший добрую память в Швейцарии. Где он? Вдруг отзовется...

Прощаясь со встречным в городке Андерматте, мы спросили: не остались ли какие-нибудь документы о его друге? Карл сказал: «Бережно сохраняю четыре картины. И фотографию».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.